

Лу Юйхан с супругой уже давно не видели своего сына, и беспокойство с каждым днём разрасталось в их сердцах, как снежный ком, который вот-вот сорвёт лавину.

Сначала они позвонили секретарю Сяо — тот ответил, что шеф занят работой. Позвонили Чэнь Инаню и остальным друзьям — те сказали, что Лу Тинфэн уехал путешествовать за границу. Наконец дозвонились до Сюй-ма, и та, помявшись, призналась: молодой господин целыми днями сидит дома, почти не выходит, словно затворник, и даже с ней почти не разговаривает.

Встревожившись не на шутку, Лу Юйхан с женой тут же собрались и поехали из старого дома в особняк Лу Тинфэна, надеясь застать его врасплох и понять наконец, что происходит с их сыном, который словно подменили в последние годы.

Сюй-ма, увидев хозяев, проворно заварила две чашки отборного чая и подала в гостиную, стараясь не выдать своего волнения и не показать, как она рада, что за молодым господином хоть кто-то присмотрит.

— А где Тинфэн? — спросила госпожа Мэй, окидывая взглядом пустую комнату, где царил идеальный порядок, но не было жизни.

— О, молодой господин ещё спит, — ответила Сюй-ма. — Может, разбудить?

— Не надо, пусть выспится, — махнула рукой Мэйси, решив, что будить сына с утра пораньше — только портить и без того непростые отношения, которые за последние годы и так стали хуже некуда. — Ты лучше займись обедом, мы тут поедим, вместе посидим, семьёй.

— Хорошо, — кивнула Сюй-ма и поспешила на кухню, радуясь, что в доме наконец-то будет слышен живой разговор.

Лу Тинфэн продрых до самого обеда и только тогда спустился вниз, переодевшись в домашнее. Он двигался медленно, как сквозь воду. Остановился на лестнице, глядя в пустоту, — показалось, что спускаться незачем, да и вообще всё незачем. Потом мотнул головой, заставил себя идти дальше.

— Пап, мам, а вы чего приехали? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более обычно, но в нём всё равно проскользнули нотки раздражения.

Госпожа Мэй окинула взглядом своего блудного сына, которого не видела два долгих месяца, и недовольно скривилась, смерив его с ног до головы испытующим взглядом, от которого у любого другого поджилки бы затряслись:

— А ты как думаешь? Лу Тинфэн, ты, кажется, забыл, что у тебя есть семья? Два месяца дома не появляешься — чем ты вообще занимаешься? Мы с отцом места себе не находим, ночами не спим, всё думаем, что с тобой могло случиться.

Перед лицом материнского гнева, который нарастал с каждой секундой, грозя выплеснуться наружу, Лу Тинфэн применил своё коронное оружие — плюхнулся рядом, обнял мать за плечи и примирительно заворковал, стараясь перевести всё в шутку и погасить конфликт в зародыше:

— Мам, ну я же за границу ездил, отдохнуть немного, развеяться, отвлечься от всего. Я же папе говорил, он знал, я ему звонил.

Перевёл стрелки на отца, надеясь, что тот поддержит, — и Лу Юйхану пришлось оправдываться, хотя он и сам был не рад, что его впутали в этот семейный разговор:

— Отдохнуть? Это ты называешь отдыхом? Это, милый мой, называется саморазрушение, а не отдых! Думаешь, я не знаю, чем ты там занимался? Целыми днями эти твои экстремальные выкрутасы — прыжки с парашютом, скоростные спуски с гор, гонки на мотоциклах, от которых у нормального человека волосы дыбом встают. Если бы я рассказал матери всё как есть, ты бы её до инфаркта довёл, а мне потом жить с этим грузом на совести?

Лу Юйхан всегда гордился сыном — тот с детства блистал умом, все в семье души в нём не чаяли, университет окончил досрочно, в компанию пришёл и быстро пробился на самый верх, став одним из ключевых людей, без которых уже невозможно было представить управление и принятие важных решений. Но вот уже года два с ним творится что-то неладное — апатия, молчаливость, на работе он ещё держится, по инерции вкалывает, но в личной жизни словно с цепи сорвался: пьёт, гоняет на машинах, прыгает с парашютом, покоряет горные вершины, словно ищет смерти или пытается забыться. Угомону нет, хоть ты тресни, и никакие уговоры, никакие доводы на него не действуют.

Госпожа Мэй легонько похлопала сына по щеке, пытаясь смягчить тон, но в голосе её всё равно звучала боль, накопившаяся за месяцы тревоги и бессонных ночей:

— Сынок, может, ты всё-таки войдёшь в положение матери? Я же места себе не нахожу, когда ты эти свои смертельные номера выкидываешь. Сердце замирает при одной мысли, что с тобой может что-то случиться, что ты не вернёшься домой.

— Всё-всё, понял, мамуль, — отмахнулся Лу Тинфэн, хотя в его глазах не было ни капли раскаяния, только глухая, застарелая усталость. — Достаточно уже нотаций, я всё прекрасно понимаю.

Мэйси многозначительно ткнула мужа локтем в бок — давай, мол, говори уже, зачем приехали, не тяни резину, пока он снова не ушёл в себя.

Лу Юйхан, привыкший во всём слушаться жену и не смевший ей перечить, помялся, покряхтел, несколько раз кашлянул в кулак и наконец выдавил из себя то, ради чего они, собственно, и приехали, проделав немалый путь:

— Там это... Дочка дяди Юя из-за границы вернулась. Хорошая девушка, образованная,

воспитанная, с приличной семьёй. Выдалось бы время — свозил бы её по городу, показал достопримечательности, познакомился поближе. Может, понравитесь друг другу, найдёте общий язык.

Лу Тинфэн отрезал сразу, даже не дав отцу закончить фразу — он прекрасно понял, куда они клонят, и ни малейшего желания участвовать в этом брачном аукционе, в этом сводничестве не имел и иметь не собирался.

— Нет, — сказал он коротко и жёстко, отрезав все пути для дальнейших уговоров, и в этом коротком слове прозвучала такая сталь, что родители переглянулись.

Госпожа Мэй, видя такое упрямство, со всей силы шлёпнула сына по плечу, не сдерживая эмоций, которые копились годами:

— Сынок, ты уже три года как разведён, тебе двадцать семь лет, а мне уже скоро полтинник стукнет. Мы с отцом внуков хотим, нянчиться хотим, понянчить маленьких, а ты...

— Мам, — перебил её Лу Тинфэн, и голос его прозвучал так, что Мэйси на мгновение замерла, увидев в его глазах то, чего раньше не замечала — пустоту и ещё кое-что: тоску. Глубокую, старую, вьёвшуюся в кости. Мэйси никогда не видела у сына такого лица, даже когда он разводился. — У меня нет настроения ни с кем встречаться, ни тем более снова жениться и детей заводить. Прошу вас, не давите на меня. Я сам разберусь со своей жизнью, когда придёт время.

Родители переглянулись, и в этом взгляде читалась вся гамма чувств — от отчаяния до бессилия, от любви до горечи. Они хорошо знали характер сына. С детства самостоятельный, умный, свободолюбивый до мозга костей, он терпеть не мог, когда его к чему-то принуждали, и если уж вбивал себе что-то в голову, переубедить его было невозможно, хоть ты тресни. Кроме деда и дяди, на него вообще никто не мог повлиять. Хотя, справедливости ради, он всегда был заботливым сыном, никогда не перечил открыто, но сейчас... сейчас он был сам не свой, словно тень прежнего себя.

После обеда, так ничего и не добившись, они уехали восвояси, оставив Сюй-ма убирать со стола и гадать, что же теперь будет с молодым господином, который даже не вышел их проводить. Лу Юйхан, сидя за рулём, посмотрел в зеркало заднего вида на удаляющийся дом. Сын даже не выглянул. Раньше, когда они уезжали, он всегда стоял у окна и махал рукой. Мать отворачивалась, чтобы не показывать слёзы.

А едва за ними закрылась дверь, как раздался телефонный звонок — секретарь Сяо докладывал, что в офисе объявилась некая госпожа Чжао и требует встречи с Лу Тинфэном, сидит в приёмной и не собирается уходить, несмотря на все уговоры.

Сяо Сюй несколько раз повторил, что шефа нет на месте, но Чжао Либин, как приклеенная, засела в кресле и отказывалась покидать помещение, глядя на секретаря таким взглядом, что тот не решился вызвать охрану, побоявшись скандала. Секретарю ничего не оставалось, как

позвонить боссу и доложить о незваной гостье, которая уже битый час сидит в приёмной и ждёт.

Когда Лу Тинфэн вошёл в офис, сотрудницы, завидев его, привычно замерли, а потом принялись перешёптываться и строить глазки — каждый его приход в компанию превращался в настоящее шоу, на которое сбегались посмотреть даже из других отделов, бросая свои дела. Такая уж у него была внешность: красивый, богатый, из влиятельной семьи, с безупречной репутацией — мечта, а не мужчина, хоть сейчас на обложку глянцевого журнала или на экран телевизора.

Правда, те, кто знал его ближе, понимали: в его сердце уже много лет жила только одна женщина — та самая, с тёмным прошлым, Чжао Либин, из-за которой он, собственно, и развёлся три года назад, и которая теперь, похоже, вернулась, чтобы снова напомнить о себе.

Секретарша проводила гостью в кабинет и тихо удалилась, прикрыв за собой дверь и оставив их наедине.

Лу Тинфэн поднял глаза на Чжао Либин, стоящую перед ним, и невольно отметил про себя, как она изменилась за те годы, что они не виделись. Сегодня она выглядела иначе, чем раньше: одета скромно, почти бедно, лицо усталое, осунувшееся, под глазами залегли тени, которых раньше не было и в помине, а в глазах — затравленное выражение побитой собаки. Мельком глянул на часы, словно давая понять, что время — деньги, и коротко спросил:

— Зачем пришла?

Он смотрел на неё и не чувствовал ничего. Вообще ничего. Ни злости, ни жалости, ни боли. Только усталое безразличие.

Чжао Либин сейчас было далеко до бывшего величия, когда её имя гремело на всю страну, а фотографии не сходили с обложек журналов и новостных лент. Лишившись могущественного покровителя в лице Лу Тинфэна, она в одночасье превратилась в корабль без парусов и руля, который безжалостные волны жестокого шоу-бизнеса швыряли из стороны в сторону, разбивая о скалы и уничтожая всё, что было создано годами тяжёлого труда. Кто-то безнаказанно отбирал её контракты, кто-то вырезал её сцены из уже отснятых фильмов, оставляя лишь эпизодические роли, которые даже в титрах не указывали, кто-то плёл за спиной интриги, мечтая навсегда утопить её на самом дне, а кто-то и вовсе предлагал деньги за ночь, открыто унижая и давая понять, что теперь она никто и звать её никак.

Из звезды первой величины, с которой считались режиссёры и продюсеры, боясь сказать лишнее слово, она скатилась в полное небытие, в разряд тех, о ком говорят «бывшая знаменитость», «звезда вчерашнего дня». Ни съёмок, ни рекламных контрактов — даже когда она сама, своими ногами, ходила на переговоры с заинтересовавшими её сценариями, умоляя дать хоть маленькую роль, её встречали насмешками и плохо скрываемым презрением, давая понять, что её время прошло и теперь дорога в большое кино для неё закрыта навсегда.

Всё из-за того грязного белья, что всплыло наружу несколько лет назад, когда она пыталась занять место законной супруги, когда её амбиции и жажда власти перешли все границы. Она так и не признала своей вины, но интернет пестрел доказательствами, не оставляющими сомнений, и общественное мнение было против неё, жестокое и неумолимое. Чувствуя себя загнанной в угол, затравленной, как дикий зверь, она, по совету команды, уехала за границу — переждать, пока страсти утихнут, пока публика забудет о её существовании. Вернулась недавно, когда шум поутих, и теперь снималась в дешёвых веб-сериалах, о которых раньше и не подумала бы, соглашаясь только на главные роли в крупных проектах с многомиллионными бюджетами.

Она устала. Устала от этой бесконечной борьбы, от унижений, от постоянного страха за своё будущее, за свою карьеру, за своё имя. Она не могла забыть Лу Тинфэна и всё ещё надеялась, что он, помня об их прошлом, о той любви, что когда-то была между ними, о тех днях, когда они были счастливы, протянет ей руку помощи и вытащит из этого болота, в котором она тонула с каждым днём всё глубже.

<http://bllate.org/book/16098/1573534>